

Философия от собаки

Павел Булкин

Реставратор

«Автор»

2026

Булкин П.

Реставратор / П. Булкин — «Автор», 2026 — (Философия от собаки)

Закатка приехала в Египет не отдыхать — она приехала за контентом. Пирамиды, белое платье, правильный свет, полмиллиона просмотров — всё должно работать на охваты. Но однажды в поисках идеального кадра она сворачивает туда, куда туристам вход запрещён, и оказывается в месте, где время лежит слишком плотно, телефоны ведут себя подозрительно, а древняя история совсем не похожа на музейную табличку. «Реставратор» — философско-юмористический рассказ о подлинниках и подделках, памяти и тщеславии, музеях, соцсетях и странной человеческой привычке превращать всё прекрасное в контент. А ещё о том, что иногда лучший способ сохранить чудо — никому о нём не рассказывать.

Павел Булкин

Реставратор

Жара в Египте не стояла — она работала. Стоит жара где-нибудь в Орехово-Зуеве, в июле, дня три, и все три дня о ней говорят. Египетская жара выходила на смену с рассветом, как грузчик с многолетним стажем, поплёвывала на ладони и до самого заката давила на всё подряд — на автобусы, верблюдов, торговцев с их отполированным до блеска «привет-наташа-халява», на сорок человек экскурсионной группы «Сокровища фараонов, всё включено», бредущей за гидом с той особенной покорностью, с какой бредут только туристы и приговорённые, причём приговорённые хотя бы не платили за это деньги. Воздух тут не вдыхался — он лез в рот сам, горячий, плотный, с песчаной крошкой, и в первый же день становилось понятно, что все фотографии Египта врут. Не в деталях — по существу: на них не видно главного, что этим золотым песком и синим небом невозможно дышать.

Это поняла, среди прочих, и девушка, которую звали — впрочем, как её звали, не имеет ни малейшего значения. Так её не называл уже никто, кроме мамы и банковского приложения. Для остальных двухсот сорока тысяч человек, которым было до неё дело, она была Закатка.

Никнейм родился три года назад, как все удачные никнеймы, случайно. Она тогда снимала закаты — каждый вечер, упрямо, с балкона девятого этажа, — и подписчица с аватаркой-котиком написала: «Ты как моя бабушка с закрутками, только закаты закатываешь». Слово прилипло намертво. И по справедливости: бабушка у Закатки действительно была, и погреб с банками у бабушки был, и каждое лето она с июня по сентябрь стояла над кипящими кастрюлями с лицом полководца, твёрдо зная, что лето надо закатывать впрок — иначе зачем оно вообще было. Внучка унаследовала эту веру, поменяв только тару. У бабушки был погреб, у внучки — телефон с черновиками рилсов, и обе не понимали людей, которые позволяют лету просто пройти.

Поэтому Закатка приехала в Египет не отдыхать. Она приехала за контентом.

Так это и называлось — не «отпуск», не «путешествие», даже не «поездка», а контент, и слово это она произносила с той же деловитой хозяйственной серьёзностью, с какой бабушка говорила «закрутки». За шесть дней было закатоано: рассвет над морем — двести тысяч просмотров, неплохо для рассвета, по утрам публика злая; верблюд, жующий её соломенную шляпу, — миллион двести, верблюд старался. Из благодарности она купила ему вторую шляпу, и верблюд съел её тоже. Было ещё белое платье на фоне пирамиды с подписью «места силы существуют» — всего сорок тысяч, зато бывший поставил огонёк и ничего не написал. Этот молчаливый огонёк был важнее всех сорока тысяч, хотя признаваться себе в этом было униительно.

Оставался последний день. И последняя, упрямая, недозакатанная мечта: снять то, чего нет у других. Все рилсы из Египта были одинаковы, как магнитики на холодильник: пирамида, верблюд, платье. Сфинкс, если повезёт с ракурсом. Алгоритм такое уже не ел — видел миллион раз и листал дальше с холодным электронным равнодушием. Алгоритм, как и Закатка, хотел необычного. В этом они давно понимали друг друга лучше, чем она понимала кого-либо из людей, и эту мысль Закатка старалась не додумывать до конца.

Гид — маленький, усталый, навеки выгоревший на солнце и на работе Ахмед с зонтиком, поднятым над головой как штандарт, — вёл группу мимо развалин, которые в программе тура значились гордо: «комплекс эпохи Нового царства». На деле комплекс представлял собой щебень, разложенный со вкусом. Ахмед говорил заученно, без участия души, как читают молитву на чужом языке: здесь был храм. Тут была стена. Всё разрушено. Всё вынесено. Кем вынесено, он не уточнял, но по интонации выходило, что выносили давно, все по

очереди и спрашивать уже не с кого. Фотографируем пять минут и идём к автобусу. В автобусе кондиционер.

Слово «кондиционер» Ахмед произносил с особым нажимом — это был его главный аргумент, пряник и кнут одновременно. Группа послушно фотографировала щебень. Щебень получался плохо: даже вживую выглядел неубедительно, а на фотографиях окончательно превращался в щебень.

И тут Закатка увидела кадр.

Она увидела его сразу и целиком, как видят кадр люди, у которых вместо воображения давно встроен видеоискатель. Чуть в стороне, метрах в пятидесяти, за верёвочным ограждением с табличкой «Вход запрещён / Forbidden», поднимался из песка обломок стены с дверным проёмом. Ахмед провёл группу мимо, даже не повернув головы, будто никакого проёма там не было. А проём был тёмный. Не серый, не теневой — по-настоящему тёмный, бархатный, глубокий, как открытый рояль. Если встать правильно, поймать солнце сзади и чуть сбоку, в нём должен был тонуть силуэт: она, спиной к камере, шагает из ослепительного света в абсолютную темноту, подол белого платья ловит ветер, и подпись — что-нибудь простое и пробирающее, про «иногда нужно просто шагнуть в неизвестность».

Это было минимум на полмиллиона. А если зайдёт музыка — может быть, на то самое, заветное, о чём вслух не говорят, чтобы не спугнуть: «Привет, я попала в рекомендации».

Группа потянулась за зонтиком Ахмеда к автобусу и кондиционеру. Закатка — мягко, бочком, с рассеянным лицом человека, который просто ищет тень и сейчас всех догонит, — отстала, выждала, перешагнула верёвочку и пошла к проёму, на ходу прилаживая телефон на мини-штатив. Верёвочка висела на высоте колена и охраняла древность скорее символически, как табличка «по газонам не ходить» охраняет газон. Совесть подала голос — короткий, формальный, как дежурный по станции, — и умолкла, удовлетворившись обещанием «пять минут и назад».

Вблизи проём оказался гораздо глубже, чем выглядел. За ним не было задней стены, на которую она рассчитывала, — начинался ход, и ход шёл вниз. Настоящие каменные ступени, стёртые посередине до гладкого желобка тысячами ног, которых давно не было на свете, уходили в темноту ровно и уверенно, как будто точно знали, куда ведут, и за три с лишним тысячи лет ни разу в этом не усомнились.

Тут бы повернуть назад. Закатка это знала. Это знал Ахмед — всем существом, на уровне инстинкта, даже не подозревая о происходящем. Это знала верёвочка и все правила всех туров, написанные, как известно, не чернилами, а страховыми выплатами. Но в груди у неё, под слоем сгоревшей кожи и крема от загара, шевельнулись два зверя, и оба потянули вперёд.

Первый зверь был древний, старше пирамид. Тот самый, что когда-то заставлял её, шестилетнюю, всё лето раскапывать в бабушкином огороде «клад» совком для песочницы — клад был ею же и закопан неделей раньше, но это совершенно не отменяло восторга находки. Дух исследователя. Запах тайны. Сладкое, замирающее в животе «а что там».

Второй зверь был современный, выведенный искусственно лет десять назад, и говорил он короче и убедительнее: *такого рилса нет ни у кого*.

Звери переглянулись и договорились мгновенно. У них, если честно, давно был налажен совместный быт.

— Пять минут, — пообещала Закатка неизвестно кому. Возможно, верёвочке. Включила фонарик, ткнула красную кнопку записи и шагнула вниз.

Первые ступени дались легко. Дневной свет ещё дотягивался сюда — разбавленный, песочный, слабеющий с каждым шагом, — и она наговаривала на камеру тем особенным горячим шёпотом, который в индустрии называется «эффект присутствия»: «Ребят, вы не поверите. Я нашла какой-то заброшенный вход, тут реально ступеньки, смотрите, тут реально ступеньки, я не знаю, куда они ведут, но я...» Потом дневной свет кончился. Не угас постепенно,

как положено свету, — кончился сразу, как заряд на морозе. Остался фонарик: белый дрожащий кружок выхватывал из темноты то стену, то ступень, то её ноги в туристических сандалиях за две тысячи рублей, про которые продавец клялся, что кожа.

Стало прохладно. Потом — по меркам ада наверху — холодно, и обожжённая кожа благодарно сжалась. Пахло камнем, пылью и ещё чем-то сухим, старым, бесконечно терпеливым. Так пахло в бабушкином погребе между банками, в самой глубине, где стоял компот восьмидесяти девятого года, который никто не решался ни открыть, ни выбросить. Только погребу было сорок лет, а этому запаху... Закатка решила не считать. Не думать она умела хуже всего на свете.

Ход выровнялся. Ступени кончились, начался коридор, а на стенах — она повела фонариком и впервые за три года забыла, что снимает, — проступили росписи.

Не музейные. Не за стеклом, не за верёвочкой, не «руками не трогать, вспышкой не снимать». Живые, в полном цвете, словно художник вышел на обед: охра — тёплая, медовая; белый — плотный, известковый; и глубокий сине-зелёный, которому не нашлось имени ни в одном каталоге помад, хотя каталоги, видит бог, старались. Фигуры шли по стене процессией: плечи развёрнуты к зрителю, лица в профиль, словно вся древняя цивилизация оглядывалась на что-то за левым плечом. Они несли блюда, вели кого-то за руку, а впереди всех, выше всех, на престоле сидел человек с головой зверя.

Закатка остановилась, опустив телефон.

— Офигеть.

В этом слове на целую секунду не было ни одного хэштега.

Она подняла телефон, чтобы взять стену широко, с проводкой, — и увидела, что телефон умер.

Не сел. Не завис. Умер: экран был чёрный, глухой, окончательный. Ни десять секунд зажатой кнопки, ни двадцать ничего не дали. На миг всплыло сообщение «Видео не сохранено» и исчезло. При этом фонарик — она не сразу осознала странность — продолжал гореть. Ровно, спокойно, как ни в чём не бывало. Камера не писала, сеть не ловилась, часы не шли, банковское приложение, надо полагать, тоже отдыхало — но свет телефон давал, словно из всех бесчисленных умений ему оставили одно, самое нужное, а остальные вежливо отобрали на входе, как зажигалку в аэропорту: ничего личного, таков порядок.

— Так. Так-так-так.

Собственный голос прозвучал маленьким — не тихим, именно маленьким, как голос ребёнка в соборе.

Темнота вокруг светового кружка была большая, старая и безупречно равнодушная к её двумстам сорока тысячам подписчиков. Кажется, это было последнее место на земле, куда не доехал интернет, и оно держалось этого правила принципиально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.